

*М. Д. Чертыкова*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории

МЕНТАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТЕ ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ «АЛБЫНЧЫ»

Аннотация. Наше исследование посвящено выявлению и описанию одного из фрагментов фольклорно-языковой картины мира – семантического поля ментальной лексики на материале хакасского героического сказания «Албынчы». Интерес к данной языковой репрезентации образа персонажей вытекает из принципа антропоцентрической парадигмы, представляющего изучение внутреннего мира человека, в частности, его психических и ментальных функций. В качестве ментальной лексики мы рассматриваем лексемы, которые не просто называют процесс, состояние субъекта, а содержат в своей семантике элементы его описания и указывают на национально-этническую специфику восприятия, понимания, познания окружающей действительности отдельной языковой личностью или этнолингвистическим сообществом в целом. *Целью* исследования являются выявление и описание семантико-функциональных структур ментальной лексики на материале указанного произведения устного народного творчества. *Задачи*, поставленные для достижения данной цели, связаны с антропоцентрической парадигмой, т. е. вопросами раскрытия феномена человека через язык. *Актуальность* исследования обусловлена недостаточностью исследований лексической системы языка хакасских героических сказаний и необходимостью развития их лингвофольклористической парадигмы, как самостоятельного научного направления. *Новизна* исследования заключается в том, что ментальная лексика на фольклорном материале впервые становится предметом специального исследования.

На материале хакасского героического сказания «Албынчы» поле ментальной лексики оказалось немногочисленным. Сюда относятся два базовых глагола (*сагын*- «думать», *пiл*- «знать»); глагольные синонимические конструкции; существительные – синонимы с общим значением «ум, мысль, рассудок» (*ис*, *агыл*, *сагыс*), одно клишированное выражение (*ис ирт*-, *агыл ас*- букв. 'рассудок пройти мимо, лишаться разума'), фразеологизм *сагыс кiр*- букв. 'ум входит', описывающие процессы мыслительной деятельности и ментальные состояния персонажей. В ходе проведённого исследования выявлено, что семантические структуры данных средств выражения ментальности значительно отличаются от содержаний общеязыковых словарных вариантов, поскольку система традиционных фольклорных текстов, прежде всего, отражают мировоззренческие ориентиры и установки этноса. Концептуальную основу совокупности ментальных репрезентантов составляет категорическая полярность оценок: положительная и отрицательная при отсутствии нейтральной. Перспективы исследований языка героических сказаний мы видим в более глубоких и тщательных разработках как отдельных лексических группировок, так и концептуальных сфер, которые способствуют развитию тюркских междисциплинарных направлений «фольклорно-языковая картина мира» и «лингвофольклористика».

© Чертыкова М. Д., 2024

© Chertykova M. D., 2024

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия. ORCID: 0000-0002-7467-4388. E-mail: chertikova@yandex.ru

CHERTYKOVA Maria Dmitrievna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Language sector of the Khakas Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia. ORCID: 0000-0002-7467-4388. E-mail: chertikova@yandex.ru

Ключевые слова: хакасский язык; героическое сказание «Албынчы»; ментальность; ментальная лексика; традиционные формулы; клишированные выражения; синонимы; образ; семантика; функционирование; специфика

Для цитирования: Чертыкова М. Д. Ментальная лексика в тексте хакасского героического сказания «Албынчы». Эпосоведение. 2024, № 1. С. 27–35. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-1-27-35.

М. D. Chertykova

Khakas Research Institute of Language, Literature and History

Mental vocabulary in the text the Khakas heroic tale *Albynch*

Abstract. Our research is devoted to the identification and description of one of the fragments of the folklore-linguistic picture of the world – the semantic field of mental vocabulary based on the material of the Khakas heroic legend *Albynch*. The interest in this linguistic representation of the characters' image stems from the principle of the anthropocentric paradigm, which represents the study of the inner world of a person, in particular, their psychological and mental functions. We understand a mental vocabulary as lexemes that not only name the process, the state of the subject, but contain elements of its description in their semantics and indicate the ethnic specifics of perception, understanding, cognition of the surrounding reality by an individual linguistic personality or the ethnolinguistic community as a whole. The purpose of the study is to identify and describe the semantic and functional structures of a mental vocabulary based on the material of the specified work of oral folk art. The tasks set to achieve this goal are related to the anthropocentric paradigm, i.e. the issues of revealing the human phenomenon through language. The relevance of the research is due to the insufficiency of research on the lexical system of the language of the Khakas heroic tales and the need to develop their linguistic and folklore paradigm as an independent scientific direction. The novelty of the research lies in the fact that mental vocabulary based on folklore material becomes the subject of special research for the first time.

Based on the material of the Khakas heroic tale *Albynch* the field of mental vocabulary turned out to be few. These include two basic verbs (*сагын*- 'to think', *нил*- 'to know'); verbal synonymous constructions; nouns – synonyms with the general meaning "mind, thought, reason" (*ис*, *агыл*, *сагыс*), one cliched expression (*ис урт*, *агыл ас*- 'reason to pass by, lose your mind'), the phraseology of *сагыс кыр*- 'the mind to enter', describing the processes of mental activity and mental states of the characters. The study revealed that the semantic structures of these means of expressing mentality differ significantly from the contents of common-language dictionary variants, since the system of traditional folklore texts primarily reflect the ideological orientations and attitudes of the ethnic group. The conceptual basis of the set of mental representations is the categorical polarity of assessments: positive and negative in the absence of a neutral one. We see the prospects for the study of the language of heroic tales in deeper and more thorough developments of both individual lexical groupings and conceptual spheres, which contribute to the development of the Turkic interdisciplinary directions "folklore-linguistic picture of the world" and "linguofoloristics".

Keywords: Khakas language; heroic legend *Albynch*; mentality; mental vocabulary; traditional formulas; cliched expressions; synonyms; image, semantics; functioning, specificity

For citation: Chertykova M. D. Mental vocabulary in the text of the Khakas heroic tale *Albynch*. Epic studies. 2024, no. 1. Pp. 27–35. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-1-27-35.

Введение

В последние десятилетия в гуманитарной науке исследование ментальности конкретного этноса приобретает особую актуальность. В антропоцентрической парадигме исследований термин «ментальность» понимается неоднозначно. В более широком понимании ментальность – это оценка социокультурных, мировоззренческих и поведенческих стереотипов конкретного этноса. Тем самым этот термин связан с «энергетическим полем, создаваемым человеком и служащий отражением его психики, сознания, душевного склада» [1, с. 533]. В лингвистике же, в частности, в когнитивистике, а также в лингвокультурологии, ментальность понимается как «мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, во-

левые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [2, с. 7], «изучение интерпретации человеком мира и себя в мире через концептуальный анализ языковых данных» или же «мировидение народа, опредмеченное в языке, система ценностей этноса и способов их репрезентации в языке и духовной культуре» [3, с. 13]. Из сказанного следует, что изучение этнической ментальности проводится через взаимодействие базовых ценностных категорий – языка и культуры. В этом плане наиболее удобным объективным материалом для ее исследования является язык фольклора, который имплицитно в своей структурной организации не только мировоззренческие традиционные установки конкретного этноса, но и информацию о его верованиях, истории и этнографии. Вслед за В. В. Колесовым и И. П. Чернусовой мы считаем язык фольклора одним из основных средств постижения этнической ментальности, которая распространяется как на целую нацию, так и на отдельного его представителя. Далее основной единицей смысловой содержательности ментальности является концепт. В фольклорно-языковой картине мира концепт представляет собой «ментальную структуру хранения и передачи в языке фольклора традиционных культурно-этнических смыслов и субконцептов, передающих субсмыслы и входящих составной частью в содержание более широкого по объёму концепта» [3, с. 13]. Логическое развёртывание ментальности, как фольклорного концепта, расширяется на дискурсивные рассуждения о понятии «мысль/мышление», как о состоянии, характеристике субъекта и процессе мыслительной (интеллектуальной) деятельности. Для раскрытия данного тезиса мы используем термин *ментальный*, который представляет собой более узкое определение понятия этнической ментальности. В Словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой данный термин трактуется как «относящийся к уму, умственной деятельности» [4, с. 350]. Изучение ментальной лексики через язык героических сказаний позволяет определить своеобразие системы ценностей народа. Данное исследование является продолжением описания психической деятельности богатырей/богатырш на материале текста героического сказания «Албынчы» [5; 6; 7]. Изучение образа эпических персонажей, зафиксированного в языке, предполагает системный подход, который заключается в последовательном описании отдельных концептуальных фрагментов и выявлении их исходной содержательной специфики.

Под термином «ментальная лексика» мы понимаем разноуровневые слова (глаголы, существительные, прилагательные, фразеологизмы и др.), объединённые в одно лексико-семантическое поле на основе общей категориальной семы «выражение мыслительных действий, состояний и способностей». В целом содержание подобных слов на материале текстов героических сказаний выражает совокупность морально-нравственных ценностей, мировоззренческих ориентиров, сформированных на основе векового опыта целой нации. Для определения границ ментального поля в плане языковой формы необходимо «... выявить все слова и значения слов, связанные с понятием мысли. С этой целью исследуются: 1) слова с первичным ментальным значением, со всей их многозначностью; 2) переносные значения слов иных семантических полей; 3) словопроизводство; 4) словосочетания со словами ментального поля; 5) этимология слов ментального поля» [8, с. 23]. К сказанному добавим, что понятие ментального поля обычно не имеет чётких границ, а также репрезентативная типология понятия «мысль/мышление» в фольклорных текстах может значительно отличаться от общелитературных норм языка.

Лексика, составляющая ментальное поле

На материале героического сказания «Албынчы» [9] центр ментального поля составляют многозначные глаголы, противопоставленные по признаку динамичности/статичности мыслительного акта:

Базовые глаголы *сагын*- «думать» и *пiл*- «знать»

сагын:- «1) думать, мыслить; 2) думать, полагать, считать; 3) думать, собираться, намереваться; 4) думать, заботиться, беспокоиться о ком-л., чем-л.; 5) тосковать, скучать по кому-л., чему-л.» [10, с. 427], который имеет динамичный признак, т. е. «он указывает на изменение состояния в уме субъекта, под которым подразумевается переход от отсутствия пропозиции

в сознании субъекта к ее наличию» [11, с. 32]. Семантическая структура глагола **сагын**-«думать» ориентирована на выражение:

– мыслительного процесса субъекта (богатыря). *Ирнің күлүгі Албынчы / Көгін көглен одырадыр, / Парчатхан чирін сагынчададыр* [9, с. 98–99] ‘Лучший из лучших Албынчы / Поёт свои песни, / **Думает** о своей дороге’¹. Глагольный аффикс, часто –*чададыр*, указывает на длительное (очевидное) протекание действия, также используется для ритмичности и мелодичности поэтического текста. Помимо глагола *сагынчададыр*- признаком длительности/очевидности действия обладает также глагольная форма *сагын тур*-, образованная путём сочетания глагола *сагын*- с вспомогательным глаголом *тур*- букв. «стоять»: *Хан Мирген сагын тур*: / – *Хулатайга хайди чойланчаң* [9, с. 45] ‘Хан Мирген **думает**: / Как же соврать Хулатаю’.

– принятие какого-либо решения: придумать. *Сагынын алды Хан Мирген*: / – *Че, піди чарир неке! – тидір* [9, с. 43] ‘**Придумал** Хан Мирген: / – Ну, так пойдёт наверно! – говорит’. [*Хан Мирген*] *сагынын алды*: «*Че, піди килізер*» [9, с. 45] ‘[Хан Мирген] **решил**: «Ладно, пусть так будет»’. Значение «придумать» выражается сочетанием глагола *сагын*- в деепричастной форме и вспомогательного глагола *ал*- «брать» с аффиксом только что прошедшего времени *-ды*. Семантику конечного результата мыслительного процесса – «придумать» – обеспечивает также аффикс совершенного вида *-ыбыс*- в основе глагола *сагын*-. *Хочын Арыг, танып полбин, / Тас оолах полар тіп сагыныбысхан* [9, с. 117] ‘Хочын Арыг, не мог рассмотреть [его], / Затем **решил**, что это Тас оолах’.

– хорошие/плохие намерения кого-либо. Данное значение глагол *сагын*- приобретает путём сочетания с наречиями *чахсы* «хорошо»: *чахсы сагын*- букв. ‘хорошо думать’ и *хомай* (*чабал*) «хорошо»: *хомай (чабал) сагын*- букв. ‘плохо думать’. *Чахсы сагынын парган чахсылар, / Минің чиріме чидіп килзе, / Чахсы полып айлангай чиріне* [9, с. 121] ‘Те, кто идут с **хорошими намерениями**, / Дойдя до моей земли, / Вернутся на свои земли здоровыми’. *Чабал сагынын чабал сагыстыг чабаллар, / Чабалланып килзе, минің чиріме, / Ах ханы чайылчатхай, арыг тыны үзілчеткей* [9, с. 121] ‘Если **враги** [букв. плохие с плохими мыслями] с плохими намерениями, / С войной [букв. гневаясь] придут на мою землю, / Прольётся их кровь, оборвётся их жизнь’. В приведённых примерах сочетания *чахсы сагын*- букв. ‘хорошо думать’ и *хомай (чабал) сагын*- букв. ‘плохо думать’ используются в деепричастной форме, что логически подтверждает их семантику причинности действия: хорошие/плохие мысли [намерения] являются источником действий субъекта.

Ввиду зыбкости границ ментального поля, его члены соприкасаются с другими ареалами. «Эти другие поля образуют “ближнее и дальнее зарубежье” ментального поля. Взаимодействие ментального поля с другими идёт в двух направлениях: слова ментального поля приобретают значения, свойственные другим полям, и слова иных полей приобретают ментальные значения» [8, с. 23]. В плане соприкосновения таких полей наиболее эффективную роль играет речемыслительная деятельность. В языке озвучивание мышления часто обозначается ментальным глаголом, выполняющим роль глагола говорения. Тем самым, вводя прямую речь, глагол *сагын*-«думать» выражает внутреннюю речь богатыря: [*Албынчы*] *Ай соонзар көріп сагынчададыр*: / *Алып Хан Хыс пичем / Хақан на мині айлан тіп тапсабызар ни. / Алып Хан Хыс пичезі / Айлан тіп пір дее тапсабаан* [9, с. 38] ‘[Албынчы] Оглядываясь назад, **думает**: / Когда же [моя] сестра Алып Хан Хыс / скажет мне «возвращайся». / [Его] сестра Алып Хан Хыс / Ни разу не промолвила «возвращайся»’.

пiл-. «1) знать, осознавать, понимать; 2) знать, узнавать, разузнавать; 3) знать, обладать знаниями, иметь понятие; 4) уметь, знать, как делать что-л.; знать, быть знакомым с кем-л.» [10, с. 365]. Характерная для семантической структуры данного глагола «... общая интеграль-

¹ Здесь и далее переводы примеров на русский язык произведены автором статьи

ная сема “обладание какой-либо информацией, сведениями, умениями” дифференцируется при учёте таких основных признаков, как “характер объекта знания”, “ментальное состояние субъекта” или же “характер ментального отношения”. Здесь мы имеем дело с переплетением семантических признаков глагола с его синтагматическими свойствами, существенными при уточнении значения слова» [11, с. 61].

Статичный характер глагола знания *nıl-* «знать» определяется смысловым контекстом обладания/необладания субъектом какими-либо навыками, способностями, информацией и т. д. *Албынчы чоохтапча: / – Алып төреен кизи арга-сүме хайди nılбес?* [9, с. 79] ‘Албынчы говорит: / Человек, родившийся богатырём, как может **не знать** навыков (хитростей) борьбы?’. *Хан Мирген амды чоохтап тур: / – Ызут Арыг, сини алар кизини мин nılчем* [9, с. 41] ‘Хан Мирген сейчас говорит: / – Узут Арыг, я **знаю** человека, который женится на тебе’.

Глагольный аффикс *-dір-* выражает постоянство действия: *nіледір-* «знать всегда, постоянно»: – *Алып ах пўўрниң хайди чўргісчең амалын / Мин nіледірбін, – тіп чоохтан парча* [9, с. 116] ‘[Я] **знаю** способ, / Как заставить бежать Богатырского белого волка, – говорит’.

При присоединении к глаголу *nıl-* «знать» отрицательного аффикса *-бин-* выражается отсутствие у субъекта определённой информации, знаний и каких-либо навыков: *Алып Хан Хыс: «Мин nілбинчем, – тидір, – / Абаазы Албынчынаң сур, – тіпче* [9, с. 124] ‘Алып Хан Хыс говорит: «Я **не знаю**, / Спрашивай у дяди Албынчы»’.

В следующих же примерах один и тот же отрицательный контекст передаётся двумя вариантами аналитических конструкций: *nılбе-* «не знать» в сочетании с отрицательным местоимением *nір дее* и *nıl-* с дееспричастным аффиксом *-е (nіле)* в сочетании с отрицательным словом *чогыл* «нет»: *Тўн Хара: «Nір дее nілбинчем андаг нимені», – тидір* [9, с. 79] ‘Тун Хара говорит: – Вообще **не знаю** таких вещей’. *Тўн Хара чоохтап тур: / – Арга-сүме nіле чогылбын* [9, с. 79] ‘Тун Хара говорит: / – [Я] **не умею** обманывать и хитрить (букв. не знаю никаких хитростей)’. Как видим, глагол *nıl-* «знать», в отличие от *сагын-* «думать», используется в диалогической речи, в которой говорящий [богатырь] повествует о своём обладании какой-либо информацией, знанием, навыками или же об отсутствии таковых.

Также зафиксирован один пример, где глагол *nıl-* «знать» выступает в значении «догадываться»: *Албынчы, көріп, nіліп тур: / Хыс пала – Хулатайнаң Ызут Арыг ічезінең төреен / Ада-ічеден nірге сыхханы* [9, с. 107] ‘Албынчы смотрит и **догадывается**: / Эта девушка – дочь Хулатая и Узут Арыг / Это его сводная сестра (букв. вместе вышедшая от одних родителей)’.

Исключение составляет также использование глагола *nıl-* «знать» с аффиксом прошедшего времени *-чең*: *Кир палых, сагынып, чоохтап тур: / – Nілчеңмін, хас-хақан полза минің істіме / Чон хынмаан Хулатай палазы кірер тіп* [9, с. 76] ‘Сказочная рыба Кир, **подумав**, говорит: / – Знал же [всегда] я когда-нибудь в моё брюхо / Залезет дитя Хулатая, которого не любит народ’. Как правило, в героических сказаниях описываемые события/действия протекают в настоящем времени, в данный момент, что связано с тем фактом, что «... мифическое время сливается с метаязыковой средой. Изображаемый сказителем мир героев находится на особом пространственно-временном ракурсе» [7, с. 11].

В хакаских героических сказаниях ментальные глаголы, например, *nıl-* «знать», *сизін-* «догадываться» и др. используются также при описании сюжетов получения нужной информации персонажами. «... если сказителями использована в тексте сказания волшебная книга то, обычно, в этом случае за традиционной эпической формулой “умения громко читать” следует другая эпическая формула: *Nілбес нимені ам nілгеннер, / сизінмес нимені ам сизінгеннер* – То, что не знали, теперь **знают** / то, чего не замечали, теперь **замечают**» [12, с. 101]. В рассматриваемом нами тексте героического сказания подобные сюжеты с чтением богатырями волшебных книг не фиксируются. Ментальные действия и характеристики ментальных состояний и способностей персонажей репрезентируются в описаниях повседневных житейских и военных событий.

Клишированные синонимичные выражения

Следующим способом выражения ментального акта в тексте героического сказания «Албынчы» является клишированные парные использования синонимов, что способствует более содержательной и весомой передаче происходящих событий. При этом все эти синонимические образования соотносятся с одним субъектом. *Ирнің кўлүгі Хан Мирген / Сагыснаң санасчададыр, / Көгиснең кўресчедедір, / Көп нимені сагын чөредір: / – Адыңынаң Хулатайның / Алар хатын мин ал салгам* [9, с. 64] 'Лучший из мужчин Хан Мирген / Считается с мыслями, / Борется с умом, / Думает о многом: – Какого чёрта / Я женился на женщине, / На которой должен был жениться Хулатай'. *Алып төреен Хара Молат / Сагынмазын сагынып одыр, / Пөгінмезін пөгініп одыр* [9, с. 134] 'Родившийся богатырём Хара Молат / Думает обо всём (букв. думает о том, о чём раньше не думал), / Решает всё (букв. решает то, что раньше не решал)'. Подобные вариативные модели описания действий богатырей (не только ментальных актов) соответствуют традиционным стилям героических сказаний не только хакасов, но и других тюркских народов. Как правило, в таких описаниях «... совпадают содержание, стиль и ритмико-синтаксическая структура и даже словесное оформление» [13, с. 160].

В следующих предложениях синонимичные глаголы со значением ментальной деятельности представлены в составе синтаксических конструкций, где первый глагол в форме деепричастия как бы характеризует действие, выражаемое вторым основным глаголом: *Хан Мирген сагынып ізептеп одыр: / – Хайда-хайда чөрчеткен Хулатайны / Хайдаң табам үс күннің аразына* [9, с. 42] 'Хан Мирген думает: / Кто знает, где находится Хулатай. / Как [я] найду его за три дня'. *Тас оолах тін көрзе, Тас оолах нимес осхас, / Нимес тін көрзе, Тас оолах осхас полды, / Тас оолах, аны піліп, сизін турадыр* [9, с. 116–117] 'Смотрит, вроде бы Тас оолах, / Вроде бы и не Тас оолах, / Тас оолах об этом догадывается (букв. узнавая, догадывается)'. *Төңіс талай сугны пір хыринаң / Пір хырина читіре көр полбады ікі алып. / Хыри пар ба, чоғыл ба, / Сагынып, піл полбадылар* [9, с. 70] 'Два богатыря не смогли / Увидеть море Тонис / От края и до края. / Они думали и не поняли (букв. думая не поняли), / Есть ли у него края'. Обстоятельное синонимичное изображение ментального действия направлено на акцентирование внимания слушателей/читателей на ключевых моментах происходящего события. При этом в таких контекстах ключевыми словами являются ментальные глагольные конструкции.

Ментальные существительные

Понятие ментальности, помимо глагольного обозначения, в анализируемом тексте выражается также синонимичными существительными:

ис «ум, разум, рассудок; {...}; *ала хулат ағылга кірген, хыс чахсызы ізінге кірген* фолькл. Пего-саврасый конь на ум пришёл, достойнейшая из дев на память пришла [богатырю]; {...}; *изі сыгарга* выжить из ума, рехнуться; *истең халарга* забываться; *изін сыгарарга* очень сильно напугать кого-л.» [10, с. 135]; **ағыл** «ум; разум; рассудок: ср. *сагыс; ағылы чох* безумный, безрассудный; {...}; *ағылың аспазын, изің сыхпазын* (пожелание) да пусть не покидает тебя [твой] разум, да пусть будет крепким [твой] ум; {...}» [10, с. 28]; **сағыс** 1) ум, рассудок; 2) память; 3) мысль, дума; идея; 4) мысль, намерение, замысел; 5) забота, беспокойство; 6) тоска» [10, с. 428]. Из приведённых лексем, выражающих общее значение «ум, мысли», в современном хакасском языке используется только *сағыс* «ум, мысли», первые же две лексемы сохранились лишь в фольклорных текстах. Лексемы *ис* и *ағыл*, как правило, выступают компонентами клишированного выражения: *ис ирт-* букв. 'рассудок проходить мимо', *ағыл ас-* букв. 'разума лишаться' в двух случаях:

а) в ситуации, когда (по мнению одного богатыря) другой богатырь поступает неразумно: *Алып Мөке, мыны истіп, / Алган чахсым Алып Хыс Хан, / Изің ирті бе, / Ағылың асты ба? – тидір* [9, с. 50] 'Алып Моке, услышав это, говорит: / – [Моя] суженая Алып Хан Хыс, / [Ты] потеряла рассудок (букв. [твой] рассудок мимо прошёл), / [Ты] сошла с ума (букв. [ты] лишилась

разума)'. Поскольку данное клишированное выражение включается в прямую речь, представляется как обращение к собеседнику и оформляется показателями второго лица;

б) в качестве превентивного высказывания, т. е. предостережения от неразумных поступков или благопожелания: *Адазы полган Алып Хан амды / Чоохтап-сөлеп одыр: / – Иркем-кинчем Хулатай, / Изиң синің иртпезін, / Агылың синің аспазын* [9, с. 9] 'Его отец Алып Хан сейчас / Говорит-рассказывает: / [Мой] милый-ласковый Хулатай, / Пусть не покидает тебя твой разум (букв. пусть [твой] рассудок не проходит мимо), / Пусть будет крепким твой ум (букв. разума своего не лишайся)'. Здесь также это выражение реализуется на уровне речевого акта. Существенной особенностью данного клишированного выражения является разностатусное положение собеседников: автор высказывания – старший по возрасту богатырь с жизненным опытом и мудростью и адресат – младший по возрасту богатырь, которого старший из благих побуждений оберегает от нежелательных негативных действий.

Отсутствие ума у субъекта обычно обозначается выражением *изи чох* 'без ума, без разума, без рассудка': *Алтын чечпе төзінде / Изи чох адай ирепче бе хайдаг, / – Иди тапсап, чоохтап, иртіре учух пари* [9, с. 30] 'Под золотым чечпе / Безумная собака плачет что ли, / – [Птица] так промолвив, сказав, пролетела мимо'.

Фразеологическая единица *сагыс кір*- букв. 'ум входит' в хакасском языке является частотной и, соответственно, многозначной: «умнеть», «взрослеть», «приходить в себя». *Ат пазынча арыг көөк хус / ... / Тапсап тура парган / ... / Аар айланып тапсаза, / ... / Изи чох кізінің сагызы кірчеткендег поладыр* [9, с. 61] 'Чистая кукушка [размером с голову лошади] / ... / Начала куковать / Если кукует, отвернувшись, / ... / Кажется, что безумный человек приходит в себя (букв. мысли входят)'. *Хулатайның ис-сагызы орнына кір чөре парган* [9, с. 61–62] 'Хулатай пришёл в себя (букв. Мысли-ум Хулатая встали на место)'.

Существительные *ис* и *агыл* встречаются только в текстах героических сказаний в составе клишированных выражений. Существительное *сагыс* «мысль, дума» в современном хакасском языке является многозначным и, как основной компонент, участвует в организации различных фразеологических сочетаний, связанных с ментальной деятельностью.

Заключение

Функционально-семантический анализ ментальной лексики на материале героического сказания «Албынчы» показал следующие результаты:

- семантические структуры средств выражения ментальности значительно отличаются от содержаний общеязыковых словарных вариантов, поскольку система традиционных фольклорных текстов, прежде всего, отражают мировоззренческие ориентиры и установки этноса;

- глаголы *сагын*- «думать» и *ніл*- «знать» в тексте героического сказания «Албынчы» не реализовывают все зафиксированные в словарных статьях лексико-семантические варианты, что связано с тем фактом, что сущностные свойства фольклорного слова сконцентрированы на иных семантических (понятийных) областях. В отличие от литературного (и общенародного) языка, язык героических сказаний имеет свой путь развития, уходящий корнями вглубь веков, и характеризуется своеобразием стилистических композиционных структур;

- если глагол с динамичным оттенком *сагын*- «думать» в тексте, выражая процессы мышления, намерения и принятия решения, проявляет, в основном, семантические свойства, то статичный глагол *ніл*- «знать» обычно используется в диалоговых моделях и характеризуется семантико-грамматическими особенностями, например, выражение обладания/отсутствия ментальных способностей, временные локации субъекта;

- клишированные парные использования синонимичных глаголов ментальной деятельности способствуют более содержательной и весомой передаче происходящих событий. В данных конструкциях первый глагол в форме дееспричастия как бы характеризует действие, выражаемое вторым основным глаголом;

– синонимичные существительные с общим значением «ум, мысль, рассудок» (*ис, агыл, сагыс*) выступают ключевыми компонентами частотного клишированного выражения *ис ирт-, агыл ас-* букв. 'рассудок пройти мимо, лишаться разума' в двух случаях: в ситуации, когда (по мнению одного богатыря) другой богатырь поступает неразумно и в качестве превентивного высказывания.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / автор и руководитель проекта, главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
3. Черноусова, И. П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале фольклорной концептосферы русской волшебной сказки и былины) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Елец, 2015. – 52 с.
4. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
5. Чертыкова, М. Д., Каксин, А. Д. Языковое выражение богатырского видения мира: на материале героического сказания «Албынчы» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия : Эпосоведение. – 2020. – № 3 (19). – С. 14–29. DOI : 10.25587/v7085-9383-3056-d.
6. Чертыкова, М. Д., Каксин, А. Д. Концептуализация слухового восприятия в фольклорно-языковой картине мира (на материале героического сказания «Албынчы») // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия : Эпосоведение. – 2020. – № 1 (17). – С. 100–111. DOI : 10.25587/SVFU.2020.17.58370.
7. Чертыкова, М. Д., Каксин, А. Д. Глагольная репрезентация речи богатырей (на материале хакасского героического сказания «Албынчы») // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия : Эпосоведение. – 2022. – № 2 (26). – С. 5–16. DOI : 0.25587/e5144-5227-9796-w.
8. Гак, В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. – Москва : Наука, 1993. – С. 22–29.
9. Албынчы. Алыптыг ныхам (героическое сказание) / сказитель С. П. Кадышев ; текст записан Д. И. Чанковым. – Абакан : Хакаское книжное издательство, 2018. – 126 с. (На хакасском яз.)
10. Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сѳетигі: около 22 тыс. слов / авторы: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков и др. Под общей редакцией О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
11. Чертыкова, М. Д. Ментальные глаголы в хакасском языке. – Абакан : Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2021. – 160 с.
12. Чистобаева, Н. С. Роль волшебных предметов в эпическом повествовании хакасов // Эпосоведение. – 2023. – № 4. – С. 98–107. DOI : 10.25587/2782-4861-2023-4-98-107.
13. Конунов, А. А. Стилизовое варьирование в героических сказаниях Н. Улагашева и в героическом эпосе коренных народов Горной Шории и Хакасии // Древности Сибири и Центральной Азии : сборник научных трудов. Выпуск 1–2 (13–14). Ответственный редактор В. И. Соёнов. – Горно-Алтайск : Изд-во «Горно-Алтайский государственный университет», 2009. – С. 157–165.

References

1. Large explanatory dictionary of the Russian language / author and project leader, editor-in-chief S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg, Norint Publ. 2000, 1536 p. (In Russ.)
2. Kolesov, V. V. Russian mentality in language and text. Saint Petersburg, Petersburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006, 624 p. (In Russ.)
3. Chernousova, I. P. The language of folklore as a reflection of ethnic mentality (based on the folklore conceptual sphere of the Russian fairy tale and epic). Abstract of the thesis for the degree of Doctor of Philological Sciences. Yelets, 2015, 52 p. (In Russ.)

4. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Moscow, LLC "A TEMP", 2006, 944 p. (In Russ.)
5. Chertykova, M. D., Kaksin, A. D. Linguistic expression of the heroic vision of the world: the case of the *Albynchy* heroic legend. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, No. 3 (19), pp. 14–29. DOI: 10.25587/v7085-9383-3056-d. (In Russ.)
6. Chertykova, M. D., Kaksin, A. D. The conceptualization of auditory perceptions in the folklore-linguistic picture of the world: on the material of the heroic legend *Albynchy*. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, No. 1 (17), pp. 100–111. DOI: 10.25587/SVFU.2020.17.58370. (In Russ.)
7. Chertykova, M. D., Kaksin, A. D. Verb representation of the speech of the bogatyrs: on the material of the Khakas heroic legend *Albynchy*. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2022, No. 2 (26), pp. 5–16. DOI: 10.25587/e5144-5227-9796-w. (In Russ.)
8. Gak, V. G. The space of thought (the experience of systematization of words of the mental field). In: Logical analysis of language. Mental actions. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 22–29. (In Russ.)
9. *Albynchy*. Alyptyg nymakh (heroic legend). Epicteller S. P. Kadyshchev, text recorded by D. I. Chankov. Abakan, Khakas Book Publ. House, 2018, 126 p. (In Khakas)
10. Khakas-Russian dictionary: about 22 thousand words. Authors: O. P. Anzhiganova, N. A. Baskakov, M. I. Borgoyakov et al. Under the general editorship of O. V. Subrakova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 1114 p.
11. Chertykova, M. D. Mental verbs in the Khakas language. Abakan, N. F. Katanov Khakas State University Publ. House, 2021, 160 p. (In Russ.)
12. Chistobaeva, N. S. The role of magic objects in the Khakas epic narrative. *Epic studies*. 2023, No. 4, pp. 98–107. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-98-107. (In Russ.)
13. Konunov, A. A. Stylistic variation in the heroic tales of N. Ulagashev and in the heroic epic of the indigenous peoples of Gornaya Shoria and Khakassia. In: Antiquities of Siberia and Central Asia: a collection of scientific papers. Issue 1–2 (13–14). Edited by V. I. Soenov. Gorno-Altai, Gorno-Altai State University Publ. House, 2009, pp. 157–165. (In Russ.)